

ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ, ВЛАСТЬ И ДИДАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: КУЛЬТУРНО- СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

The article explores the correlations between history as a discipline and the process of power legitimation in Russia in the times of transition. Using methods and approaches of cultural-semiotic analysis, and more particularly the models of dual systems developed by the Tartu-Moscow Semiotic School, the author shows that the didactic and ideological potential of history has been actively and consciously used by the authorities since the reign of Peter the Great when, due to a cultural shift a “secular religion of statehood” started taking shape. As semiotics makes it possible to correctly compare and comprehend any periods of transition, the researcher focuses on the contemporary interest of the authorities in creating a uniform school textbook of Russian history and maintains that it is one of the manifestations of the ordinary desire of the authorities to use history for their own social legitimation which is characteristic of the typological situation of cultural and historical transition.

Key words: power; legitimation; cultural semiotic approach; dual models; times of transition; ideology; teaching of history; school textbook of history.

Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мертвых...
А. С. Пушкин. Борис Годунов

Этими словами, вложенными в уста Бориса Годунова, А. С. Пушкин определил проблему отношения народа и власти в России. Между тем для власти, безусловно, важно, чтобы подданные ее любили, но любили не мертвую, а нынешнюю и здравствующую. Потребность власти в народном признании – константа, какие бы формы ни принимала власть и в какие бы эпохи ни разворачивалось бесконечное драматургическое действие взаимоотношений власти и народа. Однако же способы приобретения народной поддержки, признания, любви, если угодно, вариативны и историчны, т. е. обусловлены временем и обстоятельствами. Равным образом сама острота потребности власти в признании может усиливаться или ослабевать в зависимости от того, «какое столетье нынче на дворе».

Если попытаться перевести вышеизложенное на более рациональный научный язык, то стремление власти к общественному признанию есть ее стремление к собственной легитимации. Эта легитимация выше той, которую утверждают писанные законы. В средневековой теории и практике общественных отношений она обеспечивалась религиозной сакрализацией власти, в Новое время она находила опору в сложном конгломерате государственных концепций, формировавших идеи договорного происхождения власти, «естественного закона», «общественной пользы» (или «всеобщего блага») и т. п. Естественно, что проблема легитимации власти обостряется в переходные эпохи – те исторические отрезки (зачастую гораздо более длительные, чем это представляется), когда происходит смена ценностных систем, присущих данному социуму, или, иначе говоря, происходит построение новой культуры. Легитимация власти является, таким образом, одним из основных процессов в этом построении и (как отмечалось выше) не может быть сведена только к юридическому оформлению. Трактую культуру как систему коллективной памяти и коллективного сознания [Лотман, Успенский, с. 263], следует признать, что она проявляет себя в определенных действиях, предметах и явлениях, имеющих знаковую природу, и поэтому поддается семиотическому анализу, имеющему в отечественной гуманитаристике солидную традицию изучения, представленную в Новейшее время трудами представителей московско-тартуской школы и близкими к ней учеными: Б. А. Успенским, Ю. М. Лотманом, В. М. Живовым, А. М. Панченко, В. Н. Топоровым, С. С. Аверинцевым и др. Попробуем рассмотреть проблему легитимации власти через призму историко-культурной семиотики, используя для этого материалы некоторых переходных периодов русской истории и акцентируя внимание на роли истории, в частности новейшей истории как отрасли человеческого знания, в разрешении этой проблемы.

В качестве отправной точки и одновременно базы для дальнейших сравнений мне хотелось бы предложить эпоху петровских преобразований. Во-первых, потому что этот период близок моим специальным научным интересам. Во-вторых, потому что петровское царствование представляет одну из ярчайших (во всяком случае именно с точки зрения знаковости) переходных эпох в истории нашей страны. В-третьих, потому что в XVIII в. в России начинает формироваться новое отношение к историческому знанию – предмету, имеющему непосредственное отношение к заявленной теме. Наконец, потому что этот исторический отрезок очень активно и многоаспектно подвергался осмыслению с позиций семиотики.

Петровская эпоха – время активного и декларируемого процесса десимволизации жизни (пользуясь словами Ю. М. Лотмана [Лотман, т. 4, с. 39]), в том числе изменения официальной идеологии. Переходный характер эпохи обострил поиск общекультурных обоснований легитимации власти, а барочные веяния потребовали инвентари-

зации и обновления арсенала пригодных для этого идеологических средств, обновления их форм и самого языка. Церковно-религиозная идеология, веками остававшаяся если не единственным, то по крайней мере главнейшим орудием идеологической поддержки монаршей власти, последнюю уже не удовлетворяла. Мышление и практика Нового времени с присущим ему прагматизмом и утилитарностью (Осип Мандельштам говорил о «высоком пафосе утилитаризма» как характерном проявлении русской культуры XVIII в. [Мандельштам, т. 2, с. 277]) вынуждали царя-реформатора и его окружение прибегать к более широкому, наглядному, прямо воздействующему на умы и чувства подданных набору таких инструментов, как светская литература, законодательство¹, новые жанры и формы изобразительного искусства, публичные зрелища и т. п. Все перечисленное наполняется значением массовой пропаганды, выносится, по образному выражению Б. А. Успенского, «из дворца на площадь» [Живов, Успенский, с. 174], становится целой системой идеологического перевоспитания общества.

В этом ряду заметное место отводится историческому знанию, которое, в отличие от средневековой практики, в руках власти меняет свою форму, содержание и цель. В первую очередь следует отметить, что отношение власти к истории обретает такой же ярко выраженный утилитарный оттенок, который, как уже говорилось выше, был присущ всей официальной культуре петровского времени; из всех свойств истории как некоего знания приоритетно актуализируется ее дидактическая составляющая. Конечно, нельзя отрицать, что в средневековой Руси не осознавалась роль истории как «учителя жизни». Само наличие мощной летописной традиции, агиографических текстов с их отсылками к священной и древней истории, беллетристики вроде «Александрии», публицистических сочинений свидетельствует об обратном. Но тексты, относящиеся к перечисленным жанрам, не были достоянием широкого круга, не носили пропагандистского характера, оставаясь литературой элитарной. И дело, разумеется, не только в том, что технические возможности времени не позволяли широкого тиражирования, а ограниченное распространение грамотности – широкого прочтения этих произведений. К сочинениям, несшим в себе исторические сведения, было иное отношение: их дидактический потенциал раскрывался через церковно-религиозную систему ценностей, в малой степени подразумевавшую рациональную силу логического убеждения. Не случайно, наверное, древняя

¹ Имеется в виду тот идеологический потенциал законодательства, который воздействовал на подданных не только посредством юридических норм, но и с помощью прямых декларативных обращений петровских указов к народу, пространно объяснявших, что всякое юридическое нововведение предпринимается властью для «общественной пользы». Такое отношение к закону как к средству, формирующему «правильный» образ власти, – черта Нового времени, впервые, на наш взгляд, проявившаяся в отечественной культуре еще в середине XVII в., в Уложении 1649 г. [см.: Редин, с. 112–115].

(мировая и отечественная) история, в том числе и священная, в петровское время вводится в сферу панегирического стихосложения, в область устройства зрелищных мероприятий с многослойными и насыщенными аллегориями триумфальных арок, маскарадов и фейерверков, по-новому обживает культуру церковной проповеди (в том числе и печатной, письменной), поставленной на службу светской идеологии и формирования «светской религии государственности» [Лотман, с. 40].

В то же время в руках собственно светской власти и ее апологетов оказывается новейшая история, по сути – текущая современность. Официозные дидактики, в числе которых был и сам монарх, спешат запечатлеть в исторических сочинениях события, свидетелями и участниками которых были они сами, а запечатлев, поведать миру, в первую очередь современникам и ближайшим потомкам. И это еще одна новизна, открытая петровской эпохой в области использования исторического знания. «Поденная записка Петра Великого» пера его кабинет-секретаря А. В. Макарова, отредактированная императором, «Журнал государя Петра I с 1695 по 1710 г.» бар. К. Гюйсена, биографии Петра, написанные Ф. Прокоповичем, К. Тредиаковским, кн. С. Кантемиром и т. п., – все это исторические сочинения: они и воспринимались и писались авторами как исторические сочинения в научном (в понимании эпохи) стиле, на «строгой документальной основе», без «баснословий». Примечательно, что эти исторические труды создаются в ту пору, когда в России история как наука находилась в самой зачаточной стадии своего становления, а история как учебная дисциплина практически отсутствовала, поскольку отсутствовала система государственного образования.

Какие обстоятельства подвигли Петра и его современников приписать новейшие события к Истории? Ощущение монументальности переживаемого времени? Наверное. Новое понимание цели и смысла писательского труда: индивидуализм, эмансипация, самодостаточность творческой личности? Несомненно. Но в нашем случае важнее другое. Создавая описание современности в жанре исторического сочинения, эти авторы легитимировали власть средствами секуляризированной государственной идеологии. Возвеличивая труды Петра и достижения его времени, апологеты, с одной стороны, обосновывали идеал царя – воплощение высшей власти – как идеал высшего служения «общему благу», а с другой стороны, «встраивали» историю петровского времени в плотный контекст современной истории европейских государств, а значит, в единую ткань исторического наследия христианских наций. Актуализация новейшей истории в первой четверти XVIII в. и в ближайшее последующее время, без сомнения, питалась идеологическими и дидактическими потребностями власти, конструирующей «светскую религию государственности». Благодаря Петру Россия вошла в число «исторических народов», доказала свою состоятельность, была приведена «из небытия в бытие».

Новейшая история доказывала превосходство Петра и построенной им новой культуры перед предшественниками. В этом контексте старая культурная модель не имела смысла и значения и была достойна лишь осмеяния.

И здесь мы подходим к той семиотической аксиоме, которая объясняет не только стремление власти к утилитарному использованию новейшей истории в петровскую эпоху, но и в другие переходные эпохи нашего развития, в том числе последних трех с лишним столетий. «Наблюдения над историей русской культуры, – писали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, – убеждают в отчетливом ее членении на динамически сменяющие друг друга этапы, причем каждый новый период... ориентирован на решительный отрыв от предшествующего. <...> Регулярность подобных повторов не позволяет отмахнуться от них как от не имеющих глубинных оснований случайностей» [Лотман, Успенский, с. 220]. В то же время радикальный отказ новатора от опыта предшественника не задевает некие принципиальные первоосновы, задавая тем самым единство и поступательное развитие русской культуры: «именно в изменениях обнаруживается неизменное» [Там же, с. 221–223]. Поясняя сказанное, авторы постулировали две модели построения новой культуры. При первой модели «сохраняется глубинная структура, сложившаяся в предшествующий период, однако она подвергается решительному переименованию при сохранении всех основных старых структурных контуров. В этом случае создаются новые тексты при сохранении архаического старого каркаса». При второй «меняется самая глубинная структура культуры. Меняясь, она, однако, обнаруживает зависимость от существовавшей ранее культурной модели, поскольку строится как “выворачивание ее наизнанку”, перестановка существовавшего с переменной знаков» [Там же, с. 224].

Применение подобного культурно-семиотического подхода в качестве методологической основы сравнения различных исторических эпох переходного характера избавляет от опасности некорректных сопоставлений, неизбежных при использовании историко-компаративистского подхода веберовского толка. Отрешившись от фактуры петровского времени, мы без труда сможем вычленить аналогичные дуальные модели в отечественной культуре XX – начала XXI в. Так, например, вторая модель построения новой культуры очевидно была присуща переходному периоду, начавшемуся в России после событий 1917 г. Идеология и практика государственного строительства большевиков по всем своим направлениям являлась «выворачиванием наизнанку» ценностных структур поздней Российской империи. С точки зрения семиотики культуры этот период схож с древнейшим переходом, связанным с крещением Руси (при абсолютной, разумеется, несхожести содержания и особенностей социально-экономических и политических реалий).

Переживаемая нами современность, которую можно оценить как очередную переходную эпоху, проявляющуюся в очередном констру-

ировании новой культуры, больше соответствует первой модели. Непредвзятые наблюдения свидетельствуют, что за последние годы многие черты формирующейся культурной модели современного государства и общества порой пугающе, а порой карикатурно воспроизводят структуру предшествующего периода – советскую культурную модель «развитого социализма». Это базовое сходство проявляется в партийном строительстве, в экономике, ориентированной на крупные государственно-монополистические компании и преимущественное развитие сырьевого сектора, в преобладании бюрократических методов разработки и принятия решений, в профанации принципов разделения и выборности власти, наконец, в подходах и методах организации пропаганды и иных форм суггестивного воздействия на общество. Вместе с тем современная власть демонстративно отказывается от роли преемника советско-социалистической культурной модели; все культурные топосы нынешних ценностных структур переименованы, а любой представитель правящей партии с негодованием (во всяком случае публично) отвергнет любой намек на сходство с КПСС. Равным образом, если не более решительно и знаково, проявлено отрицание связи ныне выстраиваемой культурной модели с самым ближайшим и непосредственным предшественником, просуществовавшим слишком короткий с точки зрения исторического измерения хронологический период 1990-х гг.

В какой-то мере нынешняя ситуация схожа с той, которая была присуща России петровского времени. Естественно, что нынешняя власть, как и триста лет назад, остро нуждается в общественной легитимации, которая достигается в том числе активным привлечением дидактического потенциала новейшей истории. Подчеркнем: не истории древней или средневековой Руси, не истории Европы Нового времени, не истории народов доколумбовой Америки, а именно новейшей истории Отечества. Как и три столетия назад, новейшая современность, возведенная в ранг истории, внедренная в систему школьного образования (благо таковая, какова бы она ни была в отличие от петровского времени, существует) и преподнесенная в форме единственно правильной версии, должна помочь власти решить по меньшей мере две задачи. Во-первых, доказать ее позитивное созидательное превосходство и преимущества по сравнению с предшественниками. легитимировать ее в глазах нынешнего и будущих поколений. Во-вторых, включить ее деяния в непрерывный поток исторического времени и пространства, увековечить.

Деятельность власти по созданию учебных стандартов нового поколения в области школьной истории и обществознания, активные попытки создания нового единого школьного учебника отечественной истории, подходящие, судя по всему, к своему результативному финалу, деятельность, осмысленная при помощи культурно-семиотического метода, не предстает, таким образом, как некая неожидан-

ность, как гром средь ясного неба, как «вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Она закономерна и предсказуема, как и в прежние времена: сходные обстоятельства приводят к сходным последствиям. Противники унификации школьного учебника обвиняют заказчиков и сторонников его создания в том, что последние тем самым формируют очередную лживую идеологию, приносят критическое мышление в жертву по-своему понятому воспитанию патриотизма, подменяют исторический подход династийной историей, восславляют государство в ущерб обществу и т. п.

Но давайте разберемся по возможности спокойно. Наверное, в таком случае мы должны будем признать несколько вещей, лежащих на поверхности. Во-первых, всякая государственная власть имеет право на продвижение того учебника, который, по ее мнению, создает нужное власти мировоззрение у юношества; в нашем случае это право обусловлено тем, что система школьного образования – государственная. Власть, преследующая свои цели, доказывающая свою легитимность и исключительные преимущества предлагаемой ею системы ценностей, формирующая собственную самооценку, выраженную через школьный курс новейшей истории, не может поступать иначе. Оставим же кесарю кесарево. Во-вторых, вполне очевидно, что единый учебник есть меньшее зло, чем необозримое множество таких, но при одном обязательном условии: этот учебник должен быть написан профессионалами, чья репутация в научном сообществе неоспорима. В этом случае, какие бы аксиологические и идеологические акценты ни расставлялись в новом учебнике, он будет полезен хотя бы тем, что сможет дать школьнику структурированное представление о прошлом. И даже если это представление на очередном витке развития окажется ложным, его можно будет переформатировать именно в силу его структурированности. В-третьих, не надо вообще демонизировать учебник, преувеличивать силу его воздействия или возлагать на него какие-то немислимые надежды. История как учебная дисциплина (в силу своей природы) всегда будет нести в себе идеологическую нагрузку, бессмысленно рассуждать – какую (ложную или правдивую), потому что столь же бессмысленно утверждать, будто существует какая-то «правдивая идеология». Много ли было в нашей практике учебников, формировавших критическое мышление? Их ли это задача? Правозащитник академик Андрей Сахаров и первый в мире космонавт Юрий Гагарин, лидеры сегодняшних российских коммунистов и единокороссов, действующий министр образования и автор этих строк – все мы и миллионы граждан бывшего Советского Союза учились по единому и, вероятно, «неправильному» учебнику истории, но разве он сумел нивелировать всех нас под один стандарт? Значит, дело вовсе не в учебнике как таковом. Значит, нелепо пытаться вынудить власть отказаться от одиозных с точки зрения общества или какой-то его части оценок, возведенных в ранг исторической истины. Проблема в том, чтобы выяснить для

себя свое собственное отношение к прошлому и настоящему. Пусть дуальность в динамике русской культуры продолжает доказывать свою аксиоматичность. И пусть вновь и вновь появляются на свет стандартные учебники. Не они формируют критичность мышления, чувство патриотизма и гражданственности, а человек, учитель. При сегодняшней открытости информационного пространства, бесчисленном множестве доступных исторических источников только ленивый будет бессмысленно зазубривать учебные постулаты. Профессиональная совесть и профессиональное мастерство человека, ведущего образовательный процесс, обеспечат воспитание и критичности, и патриотизма, и гражданственности. Как это обеспечить – вопрос, выходящий за рамки настоящего рассуждения. Но последний «рубеж обороны» всегда проходил и будет проходить через нас, а не через учебник. А насколько нынешняя власть была продуктивна и полезна для общества, рассудит история. Позднее. Когда из новейшей она перейдет хотя бы в категорию новой.

Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избр. тр. : в 4 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. [Zhivov V. M., Uspenskij B. A. TSar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii // Uspenskij B. A. Izbr. tr. : v 4 t. Т. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. М., 1994.]

Мандельштам О. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2. N. Y., 1971. [Mandel'shtam O. Sobranie sochinenij : v 3 t. Т. 2. N. Y., 1971.]

Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4 : XVIII – начало XIX века. 2-е изд., М. 2000. [Lotman Yu. M. Ocherki po istorii russkoj kul'tury XVII – nachala XIX veka // Iz istorii russkoj kul'tury. Т. 4 : XVIII – nachala XIX veka. 2-е изд. М., 2000.]

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. [Lotman Yu. M., Uspenskij B. A. Rol' dual'nykh modelej v dinamike russkoj kul'tury (do kontsa XVIII veka) // Uspenskij B. A. Izbr. tr. Т. 1 : Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. М., 1994.]

Редин Д. А. Место законодательства в формировании образа власти в России // Конституционализм в России: теория, история, современность : материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1996. [Redin D. A. Mesto zakonodatel'stva v formirovanii obraza vlasti v Rossii // Konstitutsionalizm v Rossii: teoriya, istoriya, sovremennost' : materialy nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 1996.]

Исследуется взаимосвязь между историей как учебной дисциплиной и процессом легитимации власти в России в переходные исторические эпохи. Используя методы и подходы культурно-семиотического анализа, в частности модель дуальных систем, разработанную в рамках московско-тартуской школы семиотики, автор доказывает, что дидактический и идеологический потенциалы истории начинают активно и осознанно использоваться властью с эпохи Петра Великого, когда под влиянием культурного сдвига начинает формироваться «светская религия государственности». Учитывая, что с точки зрения семиотики культуры

любые переходные эпохи поддаются корректному сопоставлению и прочтению, автор статьи анализирует современный интерес власти к созданию единого школьного учебника по отечественной истории и высказывает свое мнение о том, что этот интерес, обусловленный типологической ситуацией культурно-исторического перехода, есть одно из проявлений очередного стремления власти к общественной легитимации с помощью истории.

К л ю ч е в ы е с л о в а : власть; легитимация; историко-семиотический метод (подход); дуальные модели; переходные эпохи; идеология; дидактика исторического знания; школьный учебник истории.

Dmitry Redin (Дмитрий Алексеевич Редин), prof.
Russia, Yekaterinburg
Ural Federal University
volot@mail.ru